

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

О. Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. Москва: «Наука», 2002, 489 с.

Исследования этногенеза славян, а также культуры древних славян имеют долгую историю: со всей уверенностью мы можем утверждать, что по продолжительности она не уступает истории славистики. Одной из важнейших целей этих изысканий является определение местоположения славянской прародины, на которой сложился праславянский язык, представляющий собой совокупность диалектов праславянских племен, проживавших в непосредственной близости друг от друга, и с которой началось их расселение по всем территориям, занимаемым славянскими народами в настоящее время. Именно на земле славянской прародины на индоевропейской языковой и культурной основе возникла система, которую наука в силу определенных, постепенно сложившихся характерных особенностей, считает собственно славянской. Другим, не менее важным направлением исследований является познание образа жизни и культуры праславян. Результаты изысканий в обоих этих направлениях особенно ценны тем, что помогают пролить свет на раннюю историю славян, на внешние языковые и культурные влияния, а также сделать выводы относительно последующего расселения славян. Как известно, наиболее надежными методами изучения древнейшей истории любого этноса являются методы лингвистики. Одним из наиболее эффективных является метод лингвистической реконструкции, состоящий в том, что на основе языковых данных производится реконструкция праславянского лексического фонда, что, в свою очередь, способствует разрешению многих проблем древнейшей истории. При исследовании данной темы, конечно, не остаются без внимания и достижения других направлений науки.

Определение точного местонахождения славянской прародины и исследования языка и культуры славян древнейшей эпохи представляют собой сложную комплексную задачу. Они затрагивают дописьменный период истории славян и требуют привлечения знаний из области палеолингвистики, сравнительно-исторической лингвистики, вызывая необходимость установления логической взаимосвязи между отдельными явлениями исторического, этнографического, зоологического и ботанического характера.

Известно немало концепций выделения славян в самостоятельную этноязыковую группу внутри индоевропейской языковой семьи. Проблемой славянской прародины на протя-

жении уже более полутора столетий активно занимались многие индоевропеисты и слависты, сформировавшие различные мнения¹ по этому вопросу, который, однако, до сих пор остается открытым. Согласно самой ранней из известных гипотез, прародина славян располагалась в Карпатском бассейне, поблизости от рек Дунай и Тисса. Первоначальным источником этой гипотезы является «Повесть временных лет» — древнерусская хроника, составленная в начале XII в., по всей вероятности, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором: «...сѣли сѣти словѣни по Дѣнаєви, гдѣ есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася имении скенин, гдѣ сѣдше на котороуи мѣстѣ...».

Эта теория часто упоминалась в специальной литературе вплоть до начала XX в., после чего она затерялась среди других более новых и модных идей, мнений и концепций и, в конечном счете, была предана забвению.

Что же заставило киево-печерского монаха написать эти слова? Можно предположить, что в XII в. еще было живо устное предание, сформировавшее это бытующее во времена Нестора мнение. Очевидно, это была устоявшаяся точка зрения на предмет происхождения народа, — иначе составитель хроники не запечатлел бы ее в своем произведении. Не менее очевиден и тот факт, что и по сегодняшний день упоминания о Дунае встречаются в фольклоре таких славянских народов, которые живут далеко от него. Даже противники среднедунайской теории вынуждены признать, что эти народы объективно никогда не могли видеть Дунай. Наглядным примером этого явления служат некоторые русские, белорусские и украинские народные песни.

Восходящая к словам Нестора теория славянской прародины находит свое отражение в научном наследии всемирно известного российского ученого, академика Олега Николаевича Трубачева (23. X. 1930 – 9. III. 2002). Благодаря его изысканиям забытая к началу XX столетия гипотеза, согласно которой последняя территория совместного проживания славянских племен находилась именно в Карпатском бассейне, получила новый импульс к развитию.

Олег Николаевич Трубачев довольно рано стал полноправным участником международного научного диалога. Уже его кандидатская диссертация, посвященная истории славянских терминов родства, представляла собой научный труд мирового уровня. После ее издания отдельной книгой в 1959 г.² один за другим стали выходить в свет многочисленные труды Трубачева по этимологии. В 1964 г. О. Н. Трубачев защитил докторскую диссертацию, опубликованную затем в 1966 г. в виде монографии³. Эти и все последующие работы О. Н. Трубачева являлись работами высочайшего профессионального уровня, свидетельствуя о крайней научной основательности проводимых им исследований и отражая своеобразную способность комплексного видения, которое столь необходимо при изучении древнейшей истории этносов.

¹ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва 1961, 53–64; Бирнбаум Х. Славянская прародина: новые гипотезы: Вопросы языкознания. Москва 1988, 35–49; Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск 1989, 152–153; Трубачев О. Н. Древние славяне на Дунае: Славянское языкознание, отв. ред. И. И. Толстой. Москва 1993; Филлин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Москва 1972; Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка, I. Петроград 1916; Ягич В. История славянской филологии. Санкт-Петербург 1910; Bihari J., H. Tóth I. Bevezetés a russzisztikába. Budapest 1988, 20; Czupkiewicz L. Pochodzenie i rasa słowian. Wrocław 1996; H. Tóth I. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Szeged–Szombathely 2004; Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa 1981, 24; Kniezsa I. A szlávok őstörténete: A magyarság és a szlávok. Szerk. [ped.] Szekfű Gyula. Budapest 2000, 9–37; Lehr-Splawiński T. Początki Słowian. Kraków 1946; Makay J. Az indoeurópai nyelvű népek őstörténete. Budapest 1998; Mańczak W. Praojczyzna Słowian. Wrocław 1981; Mańczak W. Język staropruski a praojczyzna Słowian: Acta Balto-Slavica, 1986; Niederle L. Slovanské starožitnosti, I. Praha 1902 и т. п.; Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven. Heidelberg 1979.

² Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва 1959.

³ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Москва 1966.

Главным произведением раннего периода научного творчества О. Н. Трубачева, которым сам он гордился на протяжении всей своей жизни, стал перевод с немецкого языка и составление комментариев и дополнений к русскому изданию «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера⁴. Эта исключительно важная работа, выдержавшая с того времени уже четыре издания, стала незаменимым источником в работе лингвистов, историков, а также завоевала популярность среди всех интересующихся этимологией русских слов.

Опыт, полученный Олегом Николаевичем в ходе работы над русской редакцией словаря Фасмера, был использован при создании самого значительного произведения его творческой жизни, «Этимологического словаря славянских языков». Краеугольным камнем в работе над словарем послужила для Трубачева детально разработанная им концепция праславянского языка, основанная на идее изначальной диалектной дифференциации исходной системы и понятии праславянского лексического диалектизма. Основной задачей словаря являлась не только реконструкция словарного состава периода славянских миграций, но также этимологические описания славянской лексики. Серия словарей, основанная на широком охвате лексикографических источников, включая исторические и диалектные словари, дает максимально полное представление о словарном составе языка праславян в данную эпоху. Первый том серии вышел в свет в 1974 г.; в настоящее время редакционная коллегия продолжает работу, к величайшему сожалению, уже без участия академика Трубачева.

С именем О. Н. Трубачева связано также известное и за пределами России периодическое издание «Этимология», основателем и редактором которого он являлся. На страницах издания, первый том которого увидел свет в 1963 г., крупнейшие ученые-этимологи публикуют отчеты о своих исследованиях в области русской, славянской и индоевропейской этимологии. Долгие годы О. Н. Трубачев был редактором журнала «Вопросы языкознания». Трубачев является общепризнанным основоположником новой этимологической научной школы. Благодаря своим энциклопедическим знаниям, добросовестности научных исследований, широкому комплексному видению научных проблем, оригинальности мышления Трубачев стал самостоятельным явлением в науке, не зависимым от нередко имеющих место в научных или околонаучных кругах конъюнктурных веяний.

Вся жизнь академика Трубачева проходила в постоянном научном поиске. Его многолетнее научное творчество способствовало переоценке ранних культурно-языковых связей славян и дало импульс к переосмыслению почти забытой теории прародины славян, согласно которой последней территорией совместного проживания мог являться Карпатский бассейн. Результаты исследований данного направления были обобщены Трубачевым в опубликованной в 1991 г. монографии⁵. Второе, дополненное издание этой монографии вышло в свет в 2002 г.

Монография состоит из четырех частей. В первой части, имеющей название «*Этногенез славян и индоевропейская проблема*» (с. 12–171), автор как бы подготавливает почву для раскрытия основной темы, описывает лингвистическую характеристику славянского этноса на индоевропейском фоне. Эта часть монографии посвящена славяно-индоевропейским связям, в ней анализируются взаимоотношения праславянского и индоевропейского языков.

Представленные в этой части результаты индоевропейских лингвистических исследований служат прологом к другим разделам монографии, предметом которых является собственно славяноведческий материал, в ней закладывается твердый фундамент оригинальной концепции автора. Часть II и III монографии посвящены целиком славянам: «*Славянская этимология и праславянская культура*» (с. 171–229) и «*Реконструкция древнейшей культуры и этногенез славян*» (с. 229–282). «*Приложение*» (с. 282–465) является, по сути, заключительной, четвертой, частью монографии, представляя собой собрание более поздних по времени работ О. Н. Трубачева, посвященных данной теме.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. Москва 1964–1973.

⁵ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Москва 1991.

Монография получила большой отклик в мировом научном сообществе, что объясняется тем, с какими основательностью, взыскательностью и многогранностью представляются в ней лингвистические данные, относящиеся к происхождению и ранней культуре славян. В развитии своей концепции академик опирается прежде всего на данные лингвистики, являясь сторонником научного подхода, упомянутого в начале нашей статьи, заключающегося в том, что методы лингвистики являются наиболее подходящим средством изучения древнейшей истории этносов. С лингвистической реконструкцией как одним из таких методов мы встречаемся на протяжении всей монографии. Другим основополагающим тезисом научного подхода является тесная взаимосвязь культуры человечества и языка. Вследствие этого, лингвистические методы применимы и в культурологических исследованиях, особенно это справедливо по отношению к древнейшим культурам. Книгу можно охарактеризовать как беспрецедентно полную, логически выстроенную и демонстрирующую комплексное видение автором исследуемых проблем. Кроме того, в числе несомненных достоинств книги Трубачева и уникальный научный аппарат.

В своих исследованиях известный славист приходит к выводу, что прародина славян, под которой следует понимать наипозднейшую территорию их совместного проживания, могла находиться только лишь в Карпатском бассейне. Здесь складывалась и праславянская культура.

Это утверждение, конечно же, можно признать спорным. Но спор с подготовленным партнером, оперирующим тщательно обоснованными аргументами, всегда был двигателем науки. Надеемся, что выход в свет данной монографии придаст новый импульс исследованиям славянской прародины, этногенеза, праславянской культуры, что, в свою очередь, принесет свои плоды в виде исчерпывающих ответов на извечные вопросы славистики. Заслуги академика О. Н. Трубачева перед этой наукой мы уже упоминали, — достоинства его монографии ничем не меньше.

За свою научную взыскательность и честность, основополагающий характер построения, многочисленные и отлично подобранные источники, новаторство и, не в последнюю очередь, по причине того, что на протяжении уже довольно долгого периода времени по древнейшей истории славян не вышло в свет ни одной работы подобного масштаба, книга «Этногенез и культура древнейших славян» по праву может быть названа вехой в истории историко-филологической науки. Эпохальной эта работа является еще и потому, что именно своими статьями, входящими в нее, Олег Николаевич Трубачев возродил гипотезу прародины славян в Карпатском бассейне.

Тамаш Фабич

Sub Rosa: In honorem Lenae Szilard (Köszöntő könyv Léna Szilárd tiszteletére — **Сборник в честь Лены Силард**). Сборник издан Докторской программой «Русская литература между Востоком и Западом» Литературоведческой докторской школы Филологического факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Отв. издатель Анна Хан. Отв. ред. Дениз Атанасова-Соколова. Будапешт 2005. 652 с.

Сборник «Sub Rosa» в свое время был задуман как юбилейное издание, приуроченное к 70-летию Лены Силард. Но небольшое опоздание издания не нанесло вред, а, наоборот, оказалось исключительно благотворным для книги. Именно благодаря этому опозданию, число семьдесят, исчезнув из предполагаемого подзаголовка издания, вошло в его плотность — стало числом авторов, приславших свои исследования в сборник.

Сборник в прямом и переносном смысле является детищем Лены Силард. В прямом потому, что он был издан стараниями сотрудников Докторской программы «Русская литература между Востоком и Западом», которая в качестве одной из первых в Венгрии докторских программ нового типа была создана самой Леной Силард. Докторская школа была аккредитована в 1993 г., и с тех пор среди ее виртуальных стен работало более 50 докторантов. Немалую долю материалов сборника как раз и составляют статьи воспитанников

этой школы, учеников и диссертантов проф. Лены Силард и преподавателей, хранящих и продолжающих созданные ею традиции.

В переносном же смысле наш сборник по своему виду и содержанию является как бы отражением этапов и «географии» творческой деятельности Лены Силард. Временные грани этой деятельности пролегают между «разговорами с Леной, тогда Айзатулиной в „Горьковке“», которые вспоминает в посвящении к своей статье Александер Флакер, и участием в сборнике докторанта докторской школы, которая была создана Леной Силард в последние годы при Университете города Сассари. Что касается «географии», в сборнике достойно представлены европейская (в особенности, российская, венгерская и итальянская) и американская русистика и славистика, которые знаменуют собой географию научной и преподавательской работы юбиляра.

Тематический диапазон сборника чрезвычайно широк — в созвучии с широтой научных интересов Лены Силард. Здесь можно найти материалы по средневековой русской книжности, по славистике и по философии языка. Немало статей посвящено отдельным авторам (И. А. Крылову, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, П. Я. Чаадаеву, Ф. И. Тютчеву, М. Ю. Лермонтову, Ф. М. Достоевскому, А. П. Чехову) и проблемам русской литературы и культуры XIX в. Наиболее репрезентативен блок исследований по литературе рубежа XIX–XX вв. В этих исследованиях возникают творческие силуэты Андрея Белого, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова, М. И. Цветаевой, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, О. Э. Мандельштама, М. А. Волошина, Н. К. Рериха, Ф. К. Сологуба, Сигизмунда Д. Кржижановского, Георгия И. Чулкова. Ряд работ занимается проблемами русской литературы и философии с первых пореволюционных лет вплоть до современности. В них можно встретиться с именами и проблемами творчества М. М. Бахтина, Г. Г. Шпета, З. Фрейда и В. Б. Шкловского, В. Ф. Ходасевича и Ю. Н. Тынянова, Н. А. Заболоцкого, М. С. Шагинян, А. П. Платонова, Б. А. Пильняка, Б. Л. Пастернака, А. Солженицына, В. Набокова, И. Бродского, Д. Пригова, Д. Галковского и др. В некоторых работах затронуты такие общие явления, как европейский контекст русских духовных стихов, романс второй половины XIX – начала XX в., женская литература рубежа веков, циклизация «книг стихов» того же периода, московский концептуализм и т. д. В сборнике опубликованы и статьи, проблематика которых выходит за узко взятые пределы русистики. Таковы анализы, посвященные *roman poeveau* и его рецепции в Польше, сербско-венгерским литературным связям и компаративистике вообще, ономастике (на материале украинской литературы), понятию фантастического в свете концепции Ц. Тодорова и религиозному мировосприятию у И. К. Ф. Гёльдерлина и П. Б. Шелли.

Сборнику предпосланы «Посвящение» Д. Пригова и краткая биография Л. Силард, а в конце опубликована избранная библиография работ юбиляра.

Мы смеем надеяться, что графическое оформление нашего сборника по своему духу, стилю и смыслу не только верно отражает многоцветие его содержания, но и соответствует духу и смыслу творчества Лены Силард. Изображение на обложке представляет собой фрагмент гобелена 1901 г. из серии, созданной мануфактурой Morris & Co на темы, почерпнутые из «Романа о Розе». Автором картона (правда, не успевшим закончить его) был Edward Burne-Jones, один из ярчайших художников-прерафаэлитов.

Как можно было убедиться, даже суммарный тематический обзор материалов сборника занял немало времени. Поэтому, вместо того, чтобы перечислять поименно всех авторов сборника, будем считать, что фигура в синем на задней обложке книги представляет собой собирательно-обобщенный образ авторов-членов уже не герметического сообщества, которые собрались «под розой», чтобы поднести Лене Силард дань уважения своими работами.⁶

Дениз Атанасова-Соколова

⁶ Публикуемые здесь заметки являются вступительным словом редактора сборника, прозвучавшим на первой презентации книги, которая была организована 29 октября 2005 г. в рамках международной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» и связанных с ней юбилейных мероприятий, посвященных 125-летию со дня рождения писателя (Москва, 25 октября – 4 ноября 2005 г.). С тех пор сборник был представлен на Международной книжной ярмарке в Москве (декабрь 2005 г.) и на презентации венгерской русистики за последние 15 лет (ноябрь 2005 г.). Совместная венгеро-итальянская презентация книги состоялась 13 января 2006 г. в Будапеште.

FRIED István, **A névadás lehetségesége**. Pozsony/Bratislava: Madách-Posonium, 2004, 168 p.

Dobroga poznavatelja književnopovijesne i uopće znanstvene djelatnosti Istvána Frieda njegova najnovija knjiga studija – te su bile već ranije objelodanjene u raznim časopisima – neće posebno iznenaditi jer će naići na književne i povijesne teme, pojave, imena itd. o čemu i o kojima je već i prije čitao od autora. Međutim, susrest će i nešto novo: posebnu osjetljivost i zabrinutost Frieda koje se iskazuju o aktualnim pitanjima novih europskih političkih integracija, mjesta i nestajanja raznih manjina i etničkih skupina i preko njih posebnih vrednota naše zajedničke baštine. Sam predgovor, zapravo temeljita studija posvećena je upravo ovome posljednjem, i čini se, za samoga autora i posebno važnome pitanju. Komparativna književnost, tvrdi Fried kao jedan od vrsnih znanstvenika upravo toga područja, nije se izrazila dovoljno jasno o statusu književnosti nacionalnih i etničkih manjina te o statusu i mjestu međuknjiževnih skupina pojedinih regija. Istraživanje tih pitanja bilo bi od velike važnosti, naime preko prikazivanja tih književnosti, autora, skupina koje se neprestano suočavaju s poteškoćama vlastitog definiranja došli bismo do spoznaje da su međuknjiževni procesi slojeviti, otvoreni i u dijaloškome suodnosu. Ta bi nas spoznaja navela da budemo neprestano pripremljeni na dijalog te na stalnu revalorizaciju vlastitih tradicija što je osnovni uvjet zdravoga opstojanja naše kulture i stvaranja kulturne šarolikosti. Prava će se Europa ostvariti tamo gdje regionalni način razmišljanja neće se pretvoriti u provincijalizam, gdje periferija neće biti teren oholog zatvaranja, gdje etničke manjine neće zauzeti stajalište duhovne separacije. Fried navodi nekoliko europskih pisaca (Fulvio Tomizza) koji su dosljedno radili na stvaranju regionalne svijesti i polifoničnoga «mi».

U svojoj prvoj studiji – to je ujedno i naslov same knjige – *Mogućnosti davanja imena* Fried se „vraća” višedesetljetnome pitanju o granicama Europe, Zapadne Europe, Srednje Europe, Srednjoistočne Europe itd. Prema njegovu shvaćanju do prave definicije našega prostora može se doći tek primjenjivanjem više načela i točaka gledišta. Nakon iscrpnog i višestranog predstavljanja često oprečnih stajališta povjesničara, književnih povjesničara i jezikoslovaca o tome pitanju Fried na kraju svoje studije smatra da je Austrija u svakom pogledu dio Srednje Europe, dok istočni dio iste zone čine povijesna Češka, Poljska i Mađarska. (Friedovo znanstveno zanimanje u svakom je pogledu vezano upravo uz ovaj prostor i tzv. „monarhijske tekstove”).

Sve ostale studije Friedove knjige, posvećene različitim temama, zapravo su svojevrsna interpretacija, dokumentacija, potvrda u dvjema studijama iznijetih stajališta. Prve dvije govore o slovačko-mađarskim kulturnim i književnim vezama. Budim i Pešta sve do raspada Monarhije bili su ujedno kulturna središta mnogih naroda, tako i Slovaka. Autor nam daje kratak kulturno-povijesni pregled, uz predstavljanje bogate građe, o nazočnosti slovačke kulture u mađarskim gradovima. Kako kaže, povijest Pešte i Budima, kasnije Budimpešte a isto tako slovačke kulture ne možemo niti zamisliti, niti opisati bez Slovaka u ovim gradovima – njihovi su udio i nazočnost od početka 18. stoljeća izuzetno intenzivni. Druga je studija posvećena djelatnosti Jána Kollára – o njegovim mađarskim relacijama se pisalo dosada najmanje. Autor nam nudi nekoliko uzbudljivih literarno povijesnih paralelizama između Kollára i mađarskih romantičara (Arany, Vörösmarty, Kisfaludy). Nabranjem i tek površnim predstavljanjem sličnih tendencija (tematizacija povijesne prošlosti, kasni petrarkizam, mimetična lirika novog senzibiliteta, jedinstvo ljubavi i domovine, autorefleksivnost) kod ovih pjesnika Fried želi ukazati na zadatke koji nam predstoje.

U posebnoj studiji raspravlja a značajnoj ulozi Trsta kao višenacionalnoga i pluralnoga grada koji je svoju periferijalnu ulogu uspio pretvoriti u vrednote nudeći životni prostor ne samo gospodarstvenicima nego i kulturnim djelatnicima mnogih naroda i narodnosti. Dvije su studije posvećene dvojici značajnih kulturnih posrednika: Pálu Neubaueru koji je u prvoj polovici 20. stoljeća u Pragu, pišući na mađarskom i njemačkom jeziku, igrao značajnu ulogu u posredovanju kulturnih vrednota i stvorio književna djela koja ni danas nisu u dovoljnoj mjeri ocijenjena te o vrlo značajnoj ličnosti u češko-mađarskim književnim vezama Richardu Pražaku koji je u srednjoeuropskom kontekstu postao vjernim sljedbenikom pozitivističkog i duhovno povijesnog nasljedstva.

Polazeći od naslova baroknog romana Jana Amosa Komenskog *Labyrint světa a Ráj srdce* i razmišljajući o srednjoistočno europskim formacijama postojanja i svijesti u svojoj pretposljednjoj studiji Fried obrađuje svoju izvornu tezu prema kojoj u književnostima našega prostora osnovni je „doživljaj” emigracija, nadalje spoznaja koja proizlazi upravo iz toga doživljaja da je svijet labirint bez središta. Dovoljno je podsjetiti na životna djela književnika kao što su Kafka, Kundera, Márai, Zweig, Musil i Schulz. To su i pisci koji su bili prisiljeni napustiti domovinu, prema tomu suočiti se s gubljenjem vlastitoga jezika, što nije uvijek tragično.

Posljednja studija Friedove knjige su neke vrste marginalije uz djelo Karla-Markusa Gausa iz 2001. godine *Europejci na samrti*. Gausova je knjiga svojevrsan putopis, izvješće o narodima i civilizacijama našega kontinenta na samrti (pod raznim nazivima: aromuni, vlasi, kucovlasi, cincari itd.), dobar povod za našega autora da i sam postavi oštra i vrlo aktualna pitanje o odnosu većine i manjine, obostranom učenju jezika jedan drugoga itd. Njegova upozorenja se ne odnose samo na većinu koja bi o vlastitom interesu trebala brinuti o svojim manjinama nego i na manjine koje se ne bi smjele zatvarati i stvarati getoizirani svijet oko sebe.

Friedova najnovija knjiga studija u kojoj se naziru razne nove ideje i teme poznatoga mađarskog komparativista, čini se, najavljuje se i nova orijentacija u bogatom znanstvenom opusu. Valja na kraju svakako istaknuti: i ova je knjiga potvrda za Friedovo temeljito poznavanje književnosti svih naših susjeda u ovome prostoru.

István Lukács

Каталин СЁКЕ, Судьба без судьбы: Проблемы поэтики Алексея Ремизова. Серия «Investigationes Russicae», I (Серия издается Докторской программой «Русская литература между Востоком и Западом» Литературоведческой докторской школы Филологического факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Отв. издатель Анна Хан. Отв. ред. Дениз Атанасова-Соколова). Budapest 2006. 154 с.

Русский писатель Алексей Ремизов (1877–1957) входит в число мастеров мирового авангарда. Его жизнь хронологически совпала с глобальными потрясениями XX в.: двумя мировыми войнами, крахом европейских империй. Однако Алексей Ремизов никогда не был пленником судьбы, заложником времени. Его credo составлял девиз «Наперекор!», что означало жизненный и творческий неконформизм, постоянное и неуклонное следование избранному пути движения к новому.

По рождению и воспитанию Ремизов принадлежал к высшему слою московского купечества. Его дядя — Николай Найденов — был владельцем банка и бессменным председателем Московского Биржевого Комитета. После окончания коммерческого училища, дававшего законченное бизнес-образование, Ремизов мог спокойно устроиться на высокооплачиваемую должность в семейный банк и сделать, при наличии несомненных математических способностей, удачную деловую карьеру. Так поступил его старший брат Александр. Но Ремизов против воли семьи поступил на естественное отделение математического факультета Московского университета. Подобно многим сверстникам, юноша увлекся социалистическими учениями. Результатом были пять лет тюрем и ссылок. При этом Ремизов испытал на себе «судьбу Достоевского» — вместе с уголовниками, по этапу он пешком прошел «по Руси» — от Москвы до места ссылки в дальней северной губернии. Соприкосновение с реальным народом развеяло социально-утопические мечтания юного социалиста. В ссылке Ремизов пришел к выводу, выраженному словами Достоевского: „были бы братья, а братство будет“. В дальнейшем он обратился к поискам первоисточков мирового Зла, видя в социальных язвах общества лишь внешнюю безобразную оболочку. Тогда же к молодому ссыльному пришло осознание своего жизненного призвания — стать писателем. На извилистых перегутах российской провинции начинающий литератор встретил и подружился с людьми, которым было суждено сыграть важную роль в русской и мировой истории. То были будущие политические лидеры Борис Савинков и Анатолий Луначарский, известный впо-

следствии историк литературы Павел Щеголев. Последний открыл для Ремизова мир средневековой христианской литературы, и, в частности, круг неканонических повествований о событиях библейской и евангельской истории — мир апокрифов. Сквозь призму былых эпох христианской и дохристианской культуры писатель по-новому увидел события своего века, начал взвешивать «на весах Иова» вечное и переменное в природе человека. Исключительно важное значение для Ремизова имело знакомство с философами Львом Шестовым, Василием Розановым и Николаем Бердяевым, по-разному открывших Ремизову пространство философии XX в.

Результатом жизненных и духовных странствий было блестящее вхождение Ремизова в элиту литераторов русского «Серебряного века», в круг А. Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова и др. За неполные пятнадцать лет писатель стал признанным мэтром русской литературы, главой формирующейся вокруг него литературной школы.

Русская революция 1917 г. вновь поставила Ремизова перед выбором: приспособиться к новому режиму или пойти ему «наперекор». Именно в это время писатель создал свою особую форму коллективного ненасильственного противостояния диктатуре пролетариата — общество свободных индивидов — Великую и Вольную Обезьянью Палату. В 1921 г. Ремизов оставил Россию, как ему думалось, не надолго, а оказалось, что навсегда. В интервью, данном сразу же после выезда за пределы родины, писатель отметил, что для него главной причиной отъезда явилась невозможность писать в условиях политического гнета, постоянного нарушения прав свободной личности. Первые же годы пребывания в эмиграции отмечены небывалым взлетом творческой энергии Ремизова, высшим достижением которой стало создание одного из лучших мировых произведений о переломной эпохе в жизни России XX века — романа-коллажа «Взвихренная Русь» (1927).

Оказавшись в сердце европейской культуры — Париже — Ремизов ни на минуты не прекращал эстетического постижения новых культурных пластов. 30–50-е годы — период интенсивного освоения писателем таких направлений европейской эстетической мысли, как немецкий экспрессионизм, французский сюрреализм. При этом Ремизов неустанно продолжал оказывать сильное литературное влияние на русскую эмигрантскую молодежь, призывая молодых писателей Русского Зарубежья ни в коем случае не отворачиваться от окружающих их эстетических новаций, не замыкаться в рамках сектантского следования „заветам“ и „традициям“ только своей национальной литературы. Собственное творчество Ремизова в этот период было столь оригинальным, что большинство его произведений большой литературной формы, экспериментальных по своей жанровой природе, до конца его жизни так и остались неопубликованными, столь необычными показались они тогдашним редакторам и издателям. Только после Второй мировой войны в эксклюзивном издательстве «Оплешник», созданном друзьями специально для издания произведений Ремизова, вышли в свет такие оригинальные тексты, как, например, книга о снах русских писателей — «Огонь вещей». В последних книгах писатель осмыслял взаимодействие разных пластов (архаики и модерна) мифологического сознания, во многом предвосхитив эстетические и философские новации французского экзистенциализма. До последнего дня своей жизни — 26 ноября 1957 г. Ремизов продолжал упорно писать, мужественно преодолевая последнюю подножку судьбы — слепоту.

Представляемая Вашему вниманию книга видного венгерского филолога, профессора Каталин Сёке является результатом долголетнего научного осмысления творчества Алексея Ремизова в контексте мировой культуры XX в. и, в частности, на фоне «Серебряного века» русской культуры. В книге последовательно освещены произведения основных этапов творчества писателя: от ранней, посвященной Борису Савинкову повести «Часы» к вершине дореволюционной прозы («Крестовые сестры») и далее вплоть до произведений последнего периода («Огонь вещей»). Исследовательница рассматривает тексты Ремизова в сложных эстетических и культурологических оппозициях, сопоставляет их с концепциями видных русских модернистов и философов (Андрея Белого, Василия Розанова, Льва Шестова). Поэтика прозы Ремизова представлена в сложных соотношениях со средневековой (апокрифы) и классической (А. П. Чехов) русскими литературами. Логичным дополнением к концептуаль-

ному рассмотрению творческой лаборатории Ремизова является анализ поэтики произведений ближайшего современника (В. Ходасевича) и дальнего собрата (С. Гандлевского).

Алексею Ремизову — человеку нелегкой жизни, мастеру виртуозных, «сложных» для читателя текстов, исключительно везло на жизненные встречи. В этом проявлялся тот единственный «голос судьбы», к которому он прислушивался всегда. Эти встречи были суждены Ремизову и после смерти. Книга Каталин Сёке принадлежит к тем высокопрофессиональным филологическим исследованиям, которые стремятся адекватно представить Алексея Ремизова современному читателю. Ее книга пронизана тем светом, о котором Ремизов писал так:

Три доли даны человеку.
Первая доля — на счастье — встреча — любить.
Другая — несчастье — разлука.
И третья — дар света.

Санкт-Петербург

Алла Грачева

Клара Адягаши, Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. Часть I. Этимологический справочник. Studies in Linguistics of the Volga-Region. Vol. II. Debrecen, 2005, 216 стр.

Рецензируемая работа представляет собой первую часть большого, целостного исследования, посвященного ранним русским заимствованиям (до середины XVII в.) в диалектах чувашского, татарского и башкирского языков. В отличие от уже существующих работ, которые рассматривают заимствования из русского языка в одном или другом из данных языков безотносительно ко времени заимствования и прежде всего с точки зрения культурного влияния, монография Клары Адягаши выполнена в парадигме исторической лингвистики, с учетом исторической фонетики русского и каждого из заимствующих тюркских языков, а также в контексте данных ареальной лингвистики Волго-Камья. Такой подход дает возможность для определения хронологии заимствований и решения вопросов, касающихся истории каждого из тюркских языков-приемников и Волго-Камского языкового союза в целом.

Во введении (с. 13–16) указан охват монографии, основной исследовательский метод и цели. Объектом анализа являются 206 русских слов, заимствованных в древнерусский и старорусский периоды языка диалектами чувашского, татарского и башкирского языков. Указано, что для периодизации истории русского языка использована разработанная Р. И. Аванесовым система, а для периодизации рассматриваемых тюркских языков — системы, предложенные в работах А. Рона-Таш и А. Берты. Основным исследовательским методом работы является историко-сопоставительный метод, при помощи которого выявляются разные хронологические пласты русских заимствований в рассматриваемых диалектах тюркских языков. Таким образом русские заимствования анализируются как с точки зрения истории русского языка, так и с точки зрения истории тюркских языков.

В следующей части (с. 17–38) представлена теоретическая база исследования. Она касается исторических основ русско-поволжско-тюркских языковых контактов (с. 17–30), характеристики Волго-Камского языкового ареала (с. 32–36) и особенностей лексического воздействия русского языка на языки Волго-Камского ареала (с. 37–38). Специальное внимание уделено формированию тюркских диалектов, распространенных в рассматриваемом ареале, месту, которое они занимают в семье тюркских языков, а также и установленным регулярным фонетическим соответствиям между ними. Автор ссылается на исследования ведущих тюркологов, выражая и свою позицию по данному вопросу. Представленные фонетические характеристики рассматриваемых тюркских диалектов очень ценны для объяснения адаптации русских заимствований. Для понимания процессов заимствования в их глубине приведены и необходимые исторические и археологические данные, которые касаются занимаемых восточными славянами и поволжскими тюрками территорий, динамики их

экспансии, осуществляемых между ними контактов, письменных источников. Поскольку некоторые из данных вопросов являются спорными, Адягаши подчеркивает, что с точки зрения волжско-булгаро-славянских языковых контактов важным является то, что «в домонгольской истории Восточной Европы населенные и контролируемые волжскими булгарами территории не соприкасались с древнерусскими» (с. 23). Специальное внимание уделено Монгольскому нашествию, которое «коренным образом изменило политическую, этническую и языковую ситуацию Восточной Европы, в частности Среднего Поволжья» (с. 26). Проследив динамику ситуации относительно занимаемых восточными славянами и поволжскими тюрками территорий, Адягаши делает обобщение, различая 3 периода: (1) отсутствие соприкосновения между территориями русскоязычного населения (т. е. между Киевской Русью и Волжской Булгарией), при котором возможно лишь взаимное заимствование названий некоторых товаров (с IX в. до татарского нашествия); (2) смежное расположение русскоязычного и тюркоязычного населения во времена господства Золотой Орды, что открывает возможность для прямых заимствований слов, интенсивность которых, однако, ограничивается постоянными военными действиями между русскими княжествами и Золотой Ордой (с XIII в. до 1552 г.); (3) мирное сожительство русскоязычного и тюркоязычного населения в рамках русского государства, которое приводит к оживлению языковых контактов (после взятия Казани русскими до настоящего времени) (с. 30).

Адягаши подчеркивает, что ввиду языковой ситуации Волго-Камья, включающей не только тюркские, но и финно-угорские языки, между которыми наблюдается множество общих явлений на всех языковых уровнях (что дает основание для использования понятия «языкового союза» относительно их взаимодействия), русские заимствования в рассматриваемых тюркских языках могут быть исследованы адекватно только с учетом и методов ареальной лингвистики. Ссылаясь на мнения Т. Кауфмана, С. Томасона, П. Мюскена относительно типологии языковых ареалов, автор отмечает, что Волго-Камский языковой ареал относится к историческому типу языковых ареалов, в котором большинство общих языковых явлений отражает влияние доминирующего языка: сначала волжско-булгарского, а потом казанско-татарского. В связи с этим делает уточнение, что переход русских слов в языки ареала осуществлялся как через прямые заимствования из русского в отдельные языки ареала, так и через посредничество доминирующего языка при изменении его статуса (от употребляемого языка к субстратному) и вида (от волжско-булгарского к казанско-татарскому). В этой части специальное внимание уделено и факту адаптации русских слов к языкам со слоговой гармонией.

Основной частью рецензируемой работы является этимологический словарь ранних русских заимствований в тюркских языках Волго-Камья (с. 67–213). Скорее всего это историко-этимологический словарь. Следует подчеркнуть, что способ составления словарных статей полностью удовлетворяет поставленным целям. Представленная информация дает необходимую информацию о существовании рассматриваемых русских слов в пространстве исследуемого языкового ареала и во времени. В начале словарной статьи цитируются значения русского слова по 17-томному словарю Современного русского литературного языка. Далее следуют диалектные и исторические данные с указанием источников и места регистрации слова. Распространение слова в русском диалектном континууме представлено по географическому принципу. На основании Этимологического словаря праславянского языка под редакцией О. Н. Трубачева и этимологических словарей русского языка приводится этимологическая справка, включающая в основном реконструкцию формы. Следующей важной частью словарной статьи является схематическое изображение эволюции древнерусской формы в старорусскую и процесса заимствования тюркскими языками. Схема содержит информацию о том, в каком этапе развития, в какой именно форме произошло заимствование русского слова и которым/которыми из тюркских языков. Содержится и информация об опосредованных заимствованиях, использующих в качестве посредника один из тюркских языков/диалектов. В описании принципов составления словарных статей автор подчеркивает, что разграничение прямых и опосредованных заимствований внутри Волго-Камского ареала «является важным с методической точки зрения, потому что в историко-фонетиче-

ском исследовании русских заимствований поволжско-тюркских языков во второй части монографии будут изучены только случаи прямых, двусторонних заимствований» (с. 41). Далее перечисляются литературные и диалектные формы русского заимствования в рассматриваемых тюркских языках и указываются их источники. Приводится и историческая справка. Среди письменных памятников поволжско-тюркских языков цитируются самые ранние и самые объемные: Кодекс Куманикус, материалы Второй камчатской экспедиции, собранные с 1733–1749 гг., Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка 1769 г., Словарь Дамаскина. В целях изучения Волго-Камского языкового ареала к словарным статьям прилагаются и данные о заимствовании рассматриваемых русских слов в марийских и мордовских диалектах. В конце каждой словарной статьи указаны и исследования, рассматривающие соответствующее слово.

Нельзя не отметить скрупулезность выполнения словарных статей, соблюдение принципа достаточности и не избыточности. Очень важным достоинством является также строгое соблюдение принятой схемы словарной статьи, наглядность представления материала, что делает рассматриваемый справочник исключительно удобным для пользования. Представленный в нем материал бесспорно окажется ценным не только для изучения рассмотренных языков и их отношений, но также для общей лингвистики, для освещения вопросов, касающихся языковых контактов, лексических заимствований, для осуществления наблюдений над проявлениями адаптации заимствований к разнотипным языкам.

Живка Колева-Златева

ZOLTÁN András, Oláh Miklós *Athila* című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása. (Dimensiones Culturales et Urbanales Regni Hungariae 6.) Nyíregyháza 2004, 554 p.

Книга Андраша Золтана издана Кафедрой украинской и русинской филологии Ниредьхазского института, Педагогическим отделением Веспремского университета и Кафедрой украинской филологии Будапештского университета им. Лоранда Этвэша, и можно утверждать, что результаты этого исследования весьма значительны не только для международной славистики, но и венгерской филологии. Автор изучил переводы произведения Миклоша Олаха (Oláh Miklós, Nicolaus Olahus) «Атилла» на восточноевропейские языки, а также рецепцию этого произведения. Кроме того, он издал опубликованный в 1574 г. в Кракове польский и сделанный ок. 1580 г. с этого последнего старобелорусский переводы. Польский хронист М. Стрыйковский, пользуясь польским переводом, выполненным в 1574 г. Циприаном Базыликом, включил фрагменты произведения Олаха в свою хронику (1582), которая в XVII в. была также переведена на белорусский, а затем и на церковнославянский язык русского извода. В результате всех этих трансформаций текста имя венгерского автора-гуманиста было окончательно потеряно, и вплоть до 1886 г., т. е. до основополагающего труда А. Брюкнера — хотя и он не смог прояснить всех вопросов — в славистике и венгерской филологии бытовала целая череда заблуждений. А. Золтан устраняет эту четырехсотлетнюю филологическую путаницу, и его высокопрофессиональная работа представляет значительный интерес как для международной славистики, так и для венгерской филологии. Признанием того служит степень доктора Венгерской академии наук, присвоенная автору за данный труд. Поскольку книга появилась малым тиражом и достать ее будет нелегко, мы попытаемся подробнее представить ее основные черты.

Первую часть книги — всего около ста страниц — составляют филологическое и историко-лингвистическое исследование, а также библиография. За ними следуют: 1) древнебелорусский текст по рукописи № 94 библиотеки Рачинских в Познани; 2) польский текст по единственному сохранившемуся экземпляру краковского издания 1574 г. (книга хранится в Библиотеке Польской Академии наук в Курнике); 3) параллельный белорусский и польский тексты с указанием важнейших расхождений с латинским оригиналом.

Во «Введении», говоря о восточнославянском и польском переводах «Атилле» Олаха, А. Золтан отмечает упущения венгерских историков литературы и полонистов: хотя в свою эпоху произведение Олаха вызвало столь большой интерес, что Ц. Базылик сделал его польский перевод, напечатанный в 1574 г., а ок. 1580 г. возник и рукописный старобелорусский перевод, на венгерский «Атилла» перевел лишь четырьмястами годами позже, в 1977 г., П. Кульчар.¹ Венгерская полонистика также не уделила достаточного внимания тому факту, что «это самое раннее прозаическое произведение венгерского автора — написанное, правда, изначально не по-венгерски, — которое было переведено на польский язык». Не удивительно, хотя и жаль, что данный перевод остался незамеченным авторами недавней книги о значении краковского книгопечатания для венгерской культуры.²

В следующих главах своей книги А. Золтан исследует взаимовлияние польского и белорусского переводов, те проблемы истории языка и культуры, которые связаны с изменениями текста, и отражение этих проблем в последующей историко-литературной науке. Наряду с устранением распространенных в науке ошибок, автор приводит весьма интересные данные о словоупотреблении и фразеологии, топонимике и личных именах. К числу таковых относится, например, демонстрация того, как под влиянием средневекового латинского *victoriam obtineo* аналогичное выражение возникает и распространяется в польском, старобелорусском и русском языках (рус. *одерживать победу*, польск. *otrzymać zwycięstwo*).

Ошибочное мнение, будто Ц. Базылик перевел «Атилла» Каллимаха (Filippo Buonaiuti, 1437–1496) — произведение, написанное в 1489 г. — сложилось из-за отсутствия в польском переводе «Атилле» имени автора. Это заблуждение было убедительно опровергнуто в 1886 г. А. Брюкнером, который доказал, что Базылик перевел произведение М. Олаха. Однако даже выводы Брюкнера оказались недостаточны, чтобы исследователи перестали по инерции ссылаться на «Атилла» Каллимаха как на оригинал Базылика. Несмотря на проделанный Брюкнером сравнительный анализ, в польских библиографических работах К. Эстрейхера³ и Т. Вежбовского⁴ «Атилла» Каллимаха по-прежнему считается оригиналом перевода Ц. Базылика. Этот взгляд был усвоен также Аладаром Баллаги,⁵ и, таким образом, в течение многих лет данному вопросу не было посвящено ни одного значительного, основанного на сравнении текстов исследования. В XX в. Ян Сляский в своих работах, посвященных венгерско-польским литературным связям, ввел в оборот еще одну неточность: он писал о польском и «русском» переводе «Атилле»,⁶ и этот взгляд стал традиционным среди венгерских издателей текстов. Впрочем, в уточнении нуждается и слишком широкое определение «восточнославянский» вместо белорусский: оно встречается в относящихся к проблеме работах Л. Хоппа, Я. Сляского и И. Д. Мольнара. А. Золтан подробно пишет о тех написанных польскими, белорусскими, украинскими, русскими и венгерскими авторами библиографиях, книгах и других исследованиях, которые заимствуют друг у друга ошибочные данные. Ученые не обратили внимания на описание книги, помещенное в польской работе по истории книгопечатания *Polonica Typographica* (новое издание вышло в 1981 г.). Здесь, в виде исключения, автором оригинала, с которого был сделан перевод считается, хотя и с хронологической ошибкой, М. Олах. Циприан Базылик фигурирует как переводчик Каллимаха, но при этом замечается, что последний переработал произведение М. Олаха. Однако Каллимах жил столетием раньше, чем венгерский гуманист, и потому никоим образом не мог пользоваться «Атиллою» Олаха.

¹ Ср. новое издание: Oláh Milós, *Hungária — Athila*. Szerk. Kulcsár Péter. Budapest 2000.

² A krakkói nyomdászati szerepe a magyar művelődésben. A tanulmányt írta V. Ecsedy Judit, a bibliográfiát összeállította P. Vászárhelyi Judit, Dörnyei Sándor, Kertész Balázs. Budapest 2000.

³ K. ESTREICHER, Bibliografia polska XV–XVI stulecia. Kraków 1875; K. Estreicher, Bibliografia polska XIV, Kraków, 1896.

⁴ T. WIERZBOWSKI, Bibliographia Polonica XV ac XVI saeculorum I–III. Kraków 1889–1894.

⁵ BALLAGI Aladár, Atilla bibliográfiája: Irodalomtudományi Közlemények II (1892), 229–269, 410–430.

⁶ Jan ŚLĄSKI, Literatura staropolska a literatura starożytna: Literatura staropolska w kontekście europejskim, Wrocław 1977, 188.

Заслуживают внимания и данные, приводимые А. Золтаном о Ц. Базылике. Этот польский поэт, переводчик, книгопечатник, композитор и музыкант был настоящей ренессансной, разносторонней личностью. Войны с турками играют важную роль в его творчестве. Согласно А. Золтану, время перевода, 1574 г., связано с претензиями Стефана Батория на польский трон. Внетекстовыми данными нельзя ни отвергнуть, ни подтвердить предположение, что польский текст возник при поддержке партии Батория (хотя в 1576 г. за некие неупомянутые заслуги Базылик получил от короля земельное пожалование), но аргументы, почерпываемые из текста, поддерживают гипотезу о такой связи. В латинском оригинале при описании характера и внешности Атиллы говорится, что он был «курносый» (*simo naso*), в польском же тексте король гуннов имеет «орлиный нос». Имея в виду сохранившиеся портреты Батория, орлиный нос Атиллы в переводе Базылика не случайная ошибка, но сознательное изменение, более того — «топос», который вскоре встречается в хронике М. и И. Бельских (1597 г.).

В главе «Соотношение латинского и польского текстов» автор книги ищет ответ на вопрос, каким образом случилось, что в польском и древнебелорусском переводе гунны отождествлены с венграми, и как Атилла стал «венгерским королем», а Паннония — Венгрией. Для Ц. Базылика тождество гуннов и венгров было самоочевидно: в польских хрониках оно восходит к XII в. В отличие от негативного образа Атиллы в Западной Европе, в польско-литовском государстве распространился его положительный образ. Так, лишь эпизодически встречающиеся у М. Олаха «оговорки» (*Hunni*=*Hungari*) становятся, благодаря употреблению для этих двух народов одного и того же термина, произведенного от основы *węgr-*, постоянной чертой польского, а затем и сделанного с него старобелорусского перевода.

История старобелорусского перевода также весьма поучительна, с точки зрения истории литературы. «Атилла» М. Олаха находится в сборнике библиотеки Рачинских вместе с двумя переведенными с сербского рыцарскими романами западного происхождения (*Tristan*, *Bovo d'Antona*) и одной литовской хроникой. Предположительно, рукопись была переписана профессиональными писцами в канцелярии Великого княжества литовского. Первым владельцем сборника был некто Грегор Унеховский, мелкий белорусский шляхтич, и до 1672 г. рукопись принадлежала семье Унеховских. В XVIII в. сборник оказался в собственности Радзивиллов, у которых в 1835 г. его купил Эдвард Рачинский, основатель библиотеки в Курнике. Рукопись представляет значительную ценность для истории славянской культуры, поскольку все русские варианты «Повести о Бове королевиче» восходят к этому манускрипту. Рыцарские романы и «Атилла» были впервые изданы в 1888 г. Известным русским филологом А. Н. Веселовским и стали, тем самым, доступны для филологов. Однако из-за ошибочных чтений и прочих неточностей в передаче текста это издание не пригодно настоящему, например, для исследований по истории языка.

Украинская история литературы также желала бы сделать старобелорусский перевод «Атиллы» своим достоянием: в XVI в. украинский и белорусский литературные языки еще не отделились друг от друга, и по этой причине белорусские произведения причисляются к памятникам украинской литературы. В издании 1988 г. В. Л. Микитась украинизирует текст, реконструируя пропущенные слова сообразно своим идеям и не принимая во внимание латинский оригинал. Такая правка означает шаг назад даже по сравнению с изданием Веселовского столетней давности. А. Золтан критикует этот неподкрепленный филологическими соображениями метод публикации, а также считает безосновательным отнесение текста к украинской культуре, поскольку рукопись обращалась только в белорусской среде и не оказала влияния на украинскую культуру.

Сравнение польского и белорусского текстов ценно, прежде всего, для истории языка. Вопреки мнению предшествующих исследователей, А. Золтан доказывает, что белорусский перевод есть не просто транскрипция польского текста кириллицей: в лексике перевода обнаруживаются отличия от польского текста, например, выражения, присущие белорусскому народному языку, или новые полонизмы. Следовательно, рукопись была написана для тех, кто знал по-польски, но употреблял только кириллицу, а потому, чтобы достичь каких

бы то ни было результатов, этот текст нужно изучать лишь вместе с польским переводом. Среди венгерских славистов о белорусском переводе «Атиллы» писал только умерший молодым П. Шонкой.⁷ Но, поскольку со специальной литературой Шонкой был знаком с пробелами, к новым выводам он не пришел. Андраш Золтан, однако, выделяет его перво-проходческую работу и некоторые содержащиеся в ней наблюдения. Можно упомянуть еще статью П. Мишлеи, который, хотя и не работал с оригиналами, на основании специальной литературы дал верные сведения о белорусском переводе.⁸

Важные историколитературные данные сообщаются в книге о дальнейшей судьбе тех фрагментов произведения Миклоша Олаха, которые попали в хронику Стрыйковского. Хронист вплетает историю гуннов в легенду о происхождении литовцев, сплаывая повествование об Атилле с построенным по образцу «Энеиды» и заимствованным из польского историка XV век Длугоша мифом о поселении литовцев. Стрыйковский излагает в стихах один эпизод «Атиллы», известный из перевода Циприана Базылика, и продолжает прозаическим изложением жития св. Урсулы, умалчивая о своем источнике, при том, что текст почти слово в слово совпадает с польским изданием 1574 г. Так как хроника Стрыйковского пользовалась чрезвычайной популярностью и в XVII веке была переведена на белорусский, а затем дважды, в 1673–1679 и 1688 г., и на церковнославянский русской редакции, житие св. Урсулы, заимствованное из сочинения М. Олаха, есть, вместе с тем, и первое венгерское литературное произведение, переведенное на русский язык.

Книга А. Золтана прослеживает распространение одного из произведений венгерской гуманистической литературы в Восточной Европе. Обладая основательной филологической подготовкой, автор путем тщательного сравнения текстов устраняет множество бытовавших столетиями ошибок и дает такое издание текста, которое теперь действительно пригодно для исследователей-славистов.

Агнеш Дуккон

⁷ П. Шонкой, К истории системы склонения имен существительных (на материале Познанской рукописи № 94): *Dissertationes Slavicae V* (Szeged 1967) 15–21; П. Шонкой, Замечания об «Истории о Атыли, короли угорском»: *Dissertationes Slavicae IX–X* (Szeged 1975) 207–217.

⁸ MISLEY Pál, Oláh Miklós Attila-monográfiájának XVI. századi keleti szláv fordítása: *Filológiai Közlöny* 27 (1981) 289–299.